

Святитель Феофан Затворник

Три слова о несении креста

По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московский Богородице-Рождественский женский монастырь.

© Издательство "Правило веры", 1996.

© Библиотека Веб-Центра «Омега».

Содержание

Слово I

Слово II

Слово III

Слово I

Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, говорит св. Апостол Павел (Гал. 6, 14). Как это св. Апостол до такого дошел расположения, что ничем другим хвалиться не хотел, кроме креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничижение; как же хвалиться им? И вот однако ж Апостол Павел хвалится им; вместе с ним хвалились конечно и все Апостолы, а за ними и все другие крестоносцы. Почему же это так? Прозрели богомудрые мужи великое значение креста, высоко ценили его и хвалились, что сподобились носить его. Они зрели в нем, вместо тесноты, широту, вместо горести сладость, вместо уничижения величие, вместо бесчестия славу, – и хвалились им, как хвалится иной великолепным каким украшением и отличием.

О, когда бы нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтобы понять и ощутить силу креста и начать хвалиться им!

О значении креста вот краткое общее объяснение: Господь совершил спасение наше крестною смертью своею; на кресте растерзал Он рукописание грехов наших; крестом помирил нас Богу и Отцу; чрез крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков крест Господень в нем самом. Каждый же из нас становится причастным спасительной силы его не иначе, как чрез свой собственный крест. Свой собственный каждого крест, когда соединяется с крестом Христовым, силу и действие сего последнего переносит на нас, становится как бы каналом, чрез который из креста Христова преливается на нас всякое даяние благо и всяк дар совершен. Из этого видно, что собственные каждого кресты в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим крест Христов. И вы не найдете ни одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей-то причине каждый всесторонне обложен крестами, чтоб не затрудняться исканием крестоношения и недалеко быть от спасительной силы креста Христова. Можно сказать так: осмотришь около себя и в себе, усмотри крест свой, понеси его, как следует, соединенно со крестом Христовым, – и будешь спасен.

Хотя и не всякий несет крест свой, и крест большею частию не простой, а сложный, но не всякий смотрит на него чрез крест Христов; не всякий обращает его в устройство спасения своего; не у всякого потому крест бывает спасительным крестом. Пересмотрим все возможные кресты и разберем: как следует нести каждый из них, чтоб он был силою во спасение.

Крестов много, но видов их три: *первый вид* – кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед, и вообще из горькой участи земного пребывания; *второй* – кресты внутренние,

рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; *третий* – кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностью в волю Божию.

Ныне скажу вам несколько слов о крестах внешних. Это – самые многосложные и разнообразные кресты. Они разбросаны на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся: скорби, беды, несчастия, болезни, потери близких, неудачи на службе, всякого рода лишения и ущербы, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины и вообще доля земная, у всякого больше или меньше нелегкая. – У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет от них ни знатность, ни богатство, ни слава и никакое величие земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земный, и не отступят от него до той, когда отверзется рай небесный.

Хочешь, чтоб сии кресты были тебе во спасение, употреби их по намерению Божию при назначении их в отношении к человеку вообще, и в отношении к тебе в частности. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтоб не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришлец на стране чужой, и искал возвращения в истинное отечество свое. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из рая, и вне рая обложен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтоб помнил, что он не на своем месте, а состоит под наказанием и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Так, видя скорби, несчастия и слезы, не удивляйся и, терпя их, не досадуй. Так следует. Преступнику и ослушнику не к лицу полное благоденствие и счастье. Прими сие к сердцу и благодушно неси долю свою.

Но зачем, – скажешь, – у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключений и раздавать ее. – Да так ведь она и раздается. Присмотрись и увидишь. Тебе ныне тяжело, а другому вчера было, или завтра будет тяжело; ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь, от начала до конца, и увидишь, что всем бывает тяжело, и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же! Прояснится и над тобою небо. В жизни, как в природе, то светлые, то мрачные бывают дни. Бывало ли когда, чтоб грозная туча не проходила? И был ли кто на свете, кто бы так думал? Не думай и ты так о своем горе, и обрадуешь себя упованием.

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони несколько главу твою, и помяни, что есть Господь, отечески о тебе пекущийся и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе, как с Его согласия и воли. Никто, как Он послал его тебе. А Он очень точно знает, что, кому, когда и как послать; и когда посылает, во благо того самого посылает, кто подлежит горю. Так осмотришь, и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвести, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать – терпение и верность Господу показать, чтоб на тебе потом показать и славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего конечно идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране своей, как пластырь, – и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог чрез постигшее тебя горе, общее неразмышляющее верование воздвигни в сердце своем, что все от Господа, и что все, идущее от Господа есть во благо нам; и толкуй мятущейся душе: так Богу угодно. Терпи! Кого наказует Он, тот у Него как сын!

Наипаче же останови внимание на твоём нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен, – как конечно и грешен, – то радуйся, что пришел огонь скорби и попалит грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на суде. Воззри на огонь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаемому, каких горестей не пожелал бы ты перенести здесь, чтоб только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтоб каждый день теперь резали и жгли, нежели там неопisanному и непрестающему подпасть мучению. Не лучше ли же, чтоб

там не испытать сего, теперь и не столь большое нести горе так, чтоб чрез то избавиться вечного огня? Говори сам себе: по грехам моим посланы мне такие удары, и благодари Господа, что благость Его на покаяние тебя ведет. Затем, вместо бесплодного горевания, распознай, какой есть за тобой грех, покайся и перестань грешить. Когда так расположишься, то конечно скажешь: мало еще мне. По грехам моим и не того стою!

Так, общую ли несешь горькую долю, или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней, как врачевство от грехов, как ключ, отверзающий дверь в царство небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуй и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе, и только горюет, не движась мыслию своею окрест и не возводя сердца своего горе – к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами, как следует, и пропускают время благоприятное и день спасения. Господь в руки подает содевание спасения, а они отвергают его. Постигли беда и горе. Уже несешь крест. Сделай же, чтоб сие несение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы преставлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположениях сердца. Возбуди благодарность, смирись под крепкую руку, покайся, исправь жизнь. Если отошла вера в богоправление всем, возврати ее в недра свое, и облобызаешь десницу Божию. Если скрылась связь горя с грехами твоими, изостри око совести и увидишь: Оплачешь грех и увлажишь сухость горя слезами покаяния. Если забыл, что горькость здешней доли искупает от горчайшей вечной участи, воскреси память о том, и к благодушию придашь желание скорбей, чтоб за малые здешние скорби милость вечную сретить нам от Господа. Много ли и трудно ли все сие? А между тем такие помышления и чувства суть нити, коими крест наш связуется с крестом Христовым и из него истекают спасительные для нас силы. Без них же крест остается на нас и тяготит нас, а спасительности не имеет, будучи разъединен с крестом Христовым. Тогда мы являемся не спасаемыми крестоносцами, и не можем уже хвалиться о кресте Господа нашего Иисуса Христа.

Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодушным, благодарным и покаянным терпением. Тогда ощутим спасительное действие скорбных крестов, и будем радоваться, подвергаясь им, прозревая сквозь них свет славы, и научаться хвалиться ими не будущего только ради, но и настоящего плода от них. Аминь.

Слово II

Из трех видов креста я сказал вам несколько слов об оном, именно о крестах внешних: скорбях, бедах и лишениях. Теперь скажу что-нибудь о втором виде крестов, крестах внутренних.

Кресты внутренние встречаются нам во время борьбы со страстями и похотями. Св. Апостол говорит: *иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Распяли? Стало, был крест, на коем у них распяты сии страсти и похоти. Какой же это крест? Борьба с ними. Распяты страсти, значит обессилить их, подавить, искоренить. Поборет человек страсть какую несколько раз, обессилит ее; поборет еще несколько, подавит; еще поборет, и совсем искоренит, с помощью Божию. Как сия борьба трудна, прискорбна и болезненна, то она есть воистину крест, внутри нас водруженный. У борющегося со страстями иногда будто руки пригвождаются, терновый венец на голову надевается, сердце живое прободается. Так ему бывает тяжело и больно.

Труду и болезненности нельзя не быть; ибо страсти хоть суть чужие нам, но, пришедши со вне, так приросли к телу и душе, что корнями своими проникли во все составы их и силы. Стань вырывать, и больно. Больно, за то спасительно, и спасительность сия не иначе достается, как чрез болезненность. Есть болезнь полип: какое-то чуждое нам тело зарождается в нашем теле, растет и пускает корни. Не вырежешь, не исцелеешь, а стань вырезывать, больно. Пусть больно, но сия боль здоровье возвращает. А оставь, не вырезывай, – тоже будет больно, только боль сия не к здоровью, а к усилению болезни, может быть, даже к смерти. Вот и сибирскую болезнь как лечат? Вырежут прыщ и прижгут то место, и еще ядо-

витым чем намажут и натрут. Больно за то целительно. А оставь так, боль будет болью, да еще смерти не миновать. Так и борьба со страстями, или искоренение их – болезненны, за то спасительны. А оставь страсти, не искореняй; они тоже будут причинять тяготу, болезненность, страдание, но не на спасение, а на пагубу и смерть духовную: ибо *оброцы греха смерть* (Рим. 6, 23).

Какая же страсть не болезненна? Гнев жжет; зависть сушит; похоть расслабляет; скупость есть и спать не дает; гордость оскорбленная убийственно снedaет сердце; и всякая другая страсть: ненависть, подозрительность, сварливость, человекоугодие, пристрастие к вещам и лицам – свое причиняет нам терзание; так что жить в страстях то же, что ходить по ножам или угольям босыми ногами, или быть в положении человека, у которого змеи сосут сердце. И опять, у кого нет страстей? У всякого есть. Коль скоро есть самолюбие, все страсти есть, ибо оно есть мать страстей и без дочерей своих не бывает. Только не у всякого они все в одинаковой степени: у одного одна, у другого другая преобладает и заправляет другими. А когда есть у всякого страсти, есть и мучение от них. Всякого мучат и распинают страсти – только не на спасение, а на пагубу.

Так, нося страсти, терзаешься ими и гибнешь. Не лучше ли же взяться за себя и самому в себе устроить страдание, тоже по поводу страстей, но не на пагубу, а во спасение. Стоит только обратить нож, и вместо того, чтоб, удовлетворяя страстям, себя поражать им, поражать им страсти, начав борьбу с ними и во всем им попереча. И тут будет боль и страдание сердца, но боль целительная, за которую тотчас последует отрадное успокоение, как бывает когда целительный пластырь попадает на рану. Рассерчает, например, – кто, – трудно одолеть гнев и неприятно; но когда одолеешь, успокоишься; а когда удовлетворишь ему, долго будешь беспокоиться. Оскорблен кто, – трудно одолеть себя и простить; но когда простишь, мир возымеешь; а когда отмстишь, не увидишь покоя. Загорелось пристрастие, – трудно погасить; но когда погасишь, свет Божий увидишь; а не погасишь, будешь ходить как убитый. Так в отношении ко всякой страсти. И страсть мучит, и борьба с нею скорбь причиняет. Но первое губит, а второе спасает и исцеляет. Всякому страстному надо сказать: ты гибнешь на кресте страстей. Разори этот крест и устрой другой – крест борьбы с ними. И будет тебе распинание на нем во спасение! Все сие ясно как день; и выбор, кажется, должен бы быть очень незатруднителен. И, однако ж, делом он не всегда оправдывается.

И удивляться надобно нашему ослеплению. Страдает иной от страсти, и все еще удовлетворяет ей. Видит, что удовлетворением больше и больше себе причиняет зла, и все удовлетворяет. Необъяснимое вражество против себя самих! Иной и собирается восстать на страсть, но лишь только пробудись страсть с своими требованиями, тотчас идет в след ее. Опять соберется и опять уступает. Несколько раз так, и все успех один и тот же. Непонятное расслабление нравственной силы! Лесть и обман в чем? В том, что страсть за удовлетворение себе обещает горы удовольствий, а борьба с нею ничего не обещает. Но ведь сколько уже раз было испытано, что удовлетворение страсти приносит не счастье и покой, а муку и томление. Она много обещает, но ничего не дает; а борьба ничего не обещает, а все дает. Если не испытал сего, испытай и увидишь. Но то горе наше, что испытать-то не соберемся с силами. Причина тому саможаление. Саможаление есть самый льстивый наш изменник и враг. Первое исчадие самолюбия. Жалеем себя и губим себя сами. Думаем, что добро себе делаем, а делаем зло; и чем более делаем зла, тем более желательнее нам делать зло. Оттого зло растет и конечную пагубу нашу приближает к нам.

Воодушевимся же, братие, и мужественно пойдем на крест самораспятия, чрез распятие и искоренение страстей и похотей. Отвергнем саможаление и возгреем ревность самоумучения. Возымеем сердце врача, который в нужде и любимым и чтимым особам делает жестокие резания и прижигания. – Не буду вам указывать способа и всего хода борьбы. Возьмитесь за дело, и оно само все пояснит и всему научит. Приведите на мысль тот покой, ту радость и тот свет, кои водворяются в сердце по одолении страстей, и возгрейте тем ревность свою к восстанию на них. Свет, покой и радость зарождаются с самого начала вступления в борьбу сию, и все растут и возвышаются, пока в конце не завершатся мирным устроением сердца, в коем почивает Бог. И Бог мира истинно выну пребывает с тем, кто дости-

гает сей степени. Тогда-то вполне оказывается, что крест точно есть древо жизни. Райское древо жизни осталось в раю; на земле, вместо его, водружено древо креста. Цель же и этого одна: вкусит человек и жив будет. Приди, прильпни к нему устами твоими и пей из него жизнь. Прильпнешь ко кресту, когда, отвергнув саможаление, возревнуешь о самораспятии; а пить жизнь из него станешь, когда вступишь в борьбу со страстями. Каждое одоление страсти будет то же, что прием живительных соков из креста живоносного. Учащай, скорее напишись и исполнишься жизни. Дивно свойство самораспятия! Оно будто отнимает, но, отнимая, дает; оно будто отсекает, но, отсекая, прививает; оно будто убивает, но, убивая, живит. Точно Крест Христов, коим смерть попрана и живот дарован. Какое благо, а велик ли труд!!! Первый шаг трудноват – первое себя одоление, первая решимость на борьбу; а потом, что ни схватка в брани, все легче и легче. И ревность будет сильнее разгораться, и умение одолевать увеличиваться, и враг слабеет. Как в обычной брани, воинам бывает страшно только начать; а потом они уже ни на что не смотрят, все им становится и сподручно и легко; так и в духовной брани: только начни, далее брань будет сама себя разгорячать и облегчать. И затем, чем ретивее и живее схватки, тем скорее конец брани и ближе покой. Сил недостает начать? Молись. Господь пошлет. Окружи себя помышлениями об опасности пребывания в страстях, и погонишь себя тем из тьмы их к свету свободы от них. Оживи чувство мучительства, и возгорись досадою на них и желанием избыть от них. Но паче всего, исповедав немощь свою пред Господом, стой и толки в двери милосердия Его, вопия о помощи. Придет помощь! Воззрит на тебя Господь, и свет от очей Его попалит в тебе саможаление и возжет ревность бодро вооружиться против страстей. А там, аще Господь с нами, кто на нас?

Подвигоположнице Господи! Воодушевивый нас ревностию вступить в подвиг борьбы со страстями, Сам и устоять в ней подай силы, да под знаменем Креста Твоего воинствуем доброе воинствование, взирая на Тебя, Начальника и Совершителя веры нашей, крестом спасение нам устроившего и живот нам в нем даровавшего. Аминь.

Слово III

Осталось еще изъяснить вам третий вид креста, спасительного для нас – крест преданности в волю Божию. Скажу и о нем слово-другое.

Слово вам слово-другое, потому что полное о нем учение превосходит силы мои. На крест сей восходят уже совершеннейшие христиане. Они и знают его; и говорить о нем могли бы ясно, полно и с силою. Другим же где говорить так? А не помянуть нельзя, чтоб кто из вас, одолевши одну-другую страсть и несколько успокоившись от тревог изнутри, не подумал, что уже все сделал, что должно и что ожидается от христиан.

Нет, и при этом не все еще сделано. Кто даже совсем себя очистил от страстей, не совершил еще главного действия христианского, а только приготовился к нему. Очистил ты себя от страстей: принеси же теперь себя чистого Богу в жертву чистую и непорочную, каковая одна и причисляется Ему Пречистому. Посмотри на Голгофу. Там крест благоразумного разбойника есть крест очищения себя от страстей, а Крест Господень есть крест жертвы чистой и непорочной. И оно-то есть плод преданности в волю Божию – беспрекословной, полной, безвозвратной. Кто вознес на крест Спасителя нашего? Сия преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, да мимо идет чаша; но решительное о сем определение изрек так: *обаже не якоже Аз хошу, но якоже Ты* (Мф. 26, 39). От слова Его: *Аз есмь*, падают пришедшие связать Его. Но потом они же вяжут Его. Почему? Потому что Он Сам Себя прежде связал преданностью воле Божией. Под крестом тварь вся содрогается и жизнь умершие приемлют; а Он неподвижен пребывал на кресте: ибо предал дух Свой Богу. Таковы и все, возрасшие в мужа совершенна, достигшие в меру возраста исполнения Христова. Они все бывают распяты, так сказать, на воле Божией. На ней пригвождено всякое их своеличное движение, и мысль, и желание. Или сих последних, в обыкновенном смысле и виде, совсем нет у них: свое все у них умерло, пожерто будучи волею Божиею. Что движет их, это есть Божие мановение, Божие внушение, которые им только одним ведомым образом печатлеясь в сердце их, определяют всю их деятельность. Св. Апостол Павел в отношении к себе изображает сие состояние так: *Христови распялся. Живу же не ктому аз, но живет во*

мне Христос (Гал. 2, 19. 20). Как только сораспался он Христу, – он Апостол, муж совершеннейший, перестал уже жить сам; но стал жить в нем Христос. Или он стал в таком положении, о коем пишет в другом месте: *Бог есть действующий в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Фил. 2, 13). Это верх совершенства христианского, до которого только способен достигнуть человек. Он есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда Бог будет всяческая во всех. Почему все, удастаивающиеся достигнуть его, нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и – или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юродами, или удаляются в пустыни. Но во всех сих видах внешней участи их, внутреннее их одно: едины, с единым Богом пребывая в сердце. Им единым живут и действуют, скрываясь во внутреннейшем, глубочайшем безмолвии, при совершенном отсутствии всяких движений своих. Говорят, что высоко в последних пределах атмосферы нашей прекращается всякое движение стихий земных. Там спокойно пребывает одна всемирная стихия. Это образ сораспавшихся Христу, переставших жить своею жизнью и начавших жить токмо Христом, или иначе восшедших на крест преданности в волю Божию, которая одна качествует и действует в них с отрицанием всяких своеличных усмотрений и действий.

Больше не имею вам сказать ничего о сем. И это сказано, чтоб только намекнуть вам, что вот где конец, вот где надобно нам быть и чего достигнуть, и чтоб, зная сие, вы расположились все, что не имеете и не делаете доброго, считать ни во что, если не дошли до сей, нам определенной и от нас ожидаемой, высоты духовной жизни. Многим думается, что христианство то же, что и другие виды жизни; а оно не то. Зачинается оно покаянием, сплет борьбою со страстями, завершается чрез сораспятие Христу чистого внутреннего человека, погружением в Бога. *Умросте*, – говорит Апостол, – *и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Тут все совершается внутри, незримо для людей, и ведомо только совести и Богу. Внешнее тут ничто. Оно есть конечно приличная оболочка, но не решительный свидетель, и тем менее производитель внутреннего. Внешнее исправное поведение как часто бывает прекрасною наружностью гроба, полного костей!

Сие ведая, станем братие, на Голгофе у крестов и начнем применять себя к ним и их к себе, какой к кому придется. Симон Киринейский, несший крест Господа, есть образ тех крестоносцев, кои подвергаются внешним скорбям и лишениям. Кого изображает благоразумный разбойник распятый и кого Господь на кресте, я только что сказал пред сим: первый изображает борющихся со страстями, а Господь – мужей совершенных, распявшихся в богопреданности. А крест злого разбойника кого изображает? Изображает тех, кои работают страстям. Страсти их мучат, терзают, распинают на смерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды. По сим признакам примеряй всякий к себе кресты, и сам себя по ним определяй, кто ты – Симон ли Киринейский, или благоразумный разбойник, или подражатель Христу Господу или разбойник злой, по страстям, тебя снедающим?

Каким себя найдешь, такого и конца себе ожидай. Я только прибавлю: выбросьте вы из головы, будто можно путем утешной жизни стать тем, чем подобает нам быть во Христе. Утехи если бывают у истинных христиан, то совершенно случайно; отличительнейший же характер жизни их суть страдания и болезнования, внутренние и внешние, произвольные и невольные. Многими скорбями подобает внити в царствие, и в то, которое внутрь является. Первый шаг здесь перелом воли от худа на добро, составляющий сердце покаяния, отражается смертельною болюю от раны сокрушения, из которой потом сочится кровь во все продолжение борения со страстями, и которая закрывается уже по стяжании чистоты, возводящей христианина на крест сораспятия со Христом в воле Божией. Все – скорби и болезни и тяготы. Можно сказать так: утешность есть свидетельство непрямого пути, а скорбность – свидетельство пути правого.

Помышляя о сем, радуйтесь, крестоносцы! А вам что, утешающиеся? Слово Авраама к богачу в притче о богатом и Лазаре. Здесь вы утешаетесь, а другие страждут Христа ради и закона Его святого; а на том свете будет наоборот: крестным идущие путем будут утешаться, а утешавшиеся страдать. Вы говорите обыкновенно: вот и повеселиться будто нельзя, или какое-либо себе позволить удовольствие. Да вы главное то прежде сделайте, а потом позво-

ляйте и это. А то у иного только и дела, что – ныне бал, завтра театр, там гулянье, да веселое чтение и беседа, да развлечения разные, – переход от одних приятностей к другим. А о главном, о том, как достигнуть того, чем должен быть всяких христиан и помышления нет. Какого же плода ожидать от такой жизни? То внутреннее наше к Богу отношение во Христе будто само будет зреть, несмотря на эти внешние нестроения?! Как ему зреть? Горит ли свечка на ветре? Спеется ли жизнь от приема яда? Нет. Хочешь добра себе: брось утехи, вступи на крестный путь покаяния, перегори в огне самораспинания, закались в слезах сокрушения сердечного, – и станешь золото или серебро или камень драгое, и в свое время будешь взят небесным Домовладыкою на украшение Его пресветлых и премирных чертогов. Аминь.